

УДК 316.422

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-9

Кранзеева Е. А.
Головацкий Е. В.
Орлова А. В.
Нятин Н. В.
Бурмакина А. Л.

**Влияние социальных инициатив населения
на инновационное развитие регионов**

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
ул. Красная, д. 6, Кемерово, 650000, Россия
elkranzeeva@mail.ru
xomaik@rambler.ru
anniov@bk.ru
kozeeva_n@mail.ru
anna-sidjakina@rambler.ru

Аннотация. Условия динамического взаимодействия граждан в современном мире в сочетании с существенным образом изменившейся, ускорившейся социальной и политической коммуникацией формируют инновационные практики взаимодействия местного населения и власти. Особую актуальность это приобретает в режиме развития цифровых коммуникаций, когда приоритет доверительных отношений смещается в сторону виртуальных обсуждений, реальные социальные практики получают активную поддержку сетевых сообществ. Социальные инициативы или сам факт возможности формирования подобных инициатив наполняют региональные процессы социально-политического взаимодействия, а также могут содействовать инновационному развитию территории. Существенной проблемой является разность понимания содержания и значимости инициатив, предлагаемых населением и содержанием инновационных проектов, предусмотренных к реализации на территории региона. Важно определить влияние социальных инициатив на инновационное развитие регионов, что и стало целью данной статьи. Результаты исследования демонстрируют, что наиболее содержательные и разнонаправленные инициативы проявляются в наиболее ресурсообеспеченных регионах России. Социальные инициативы населения акцентируют внимание на определенных проблемах жизненного и социального пространства, являются показателем неучтенных противоречий, которые могут рассматриваться как основания для инновационного развития региона. Они доказывают готовность местных жителей включаться в решение вопросов регионального развития, а также являются важной формой диалогового взаимодействия с властью.

Ключевые слова: национальные проекты; инновации; регионы; социальные инициативы; социальное и политическое взаимодействие; цифровизация; сетевые исследования

Информация для цитирования: Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Орлова А. В., Нятин Н. В., Бурмакина А. Л. Влияние социальных инициатив населения на инновационное развитие регионов// Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 140-156. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-9.

Elena A. Kranzeeva
Evgeny V. Golovatsky
Anna V. Orlova
Natalya V. Nyatina
Anna L. Burmakina

The impact of social initiatives of the population on the innovative development of regions

Kemerovo State University
6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia
elkranzeeva@mail.ru
xomaik@rambler.ru
anniov@bk.ru
kozeeva_n@mail.ru
anna-sidjakina@rambler.ru

Abstract. In today's world, the conditions of dynamic citizen interaction combined with substantially changed, accelerated social and political communication, are shaping innovative practices of interaction between local people and government. This is of relevance in the context of digital communications. Social initiatives or the possibility of their formation fill the regional processes of socio-political interaction and can also contribute to the innovative development of the territory. A significant problem is the difference in the content and significance of the initiatives proposed by the population and the content of innovative projects envisaged for implementation in the region. It is important to determine the impact of social initiatives on the innovative development of regions, which is the *purpose* of this article. The *results* of the study demonstrate that the most meaningful and multidirectional initiatives are manifested in the most resource-rich regions of Russia. Social initiatives of the population focus on certain problems of living and social space, are an indicator of unaccounted for contradictions, which can be considered as the basis for the innovative development of the region. They prove the willingness of residents to get involved in solving regional development issues and are also an important form of dialogue interaction with the authorities.

Keywords: national projects; innovation; regions; social initiatives; social and political interaction; digitalization; network research

Information for citation: Kranzeeva, E. A., Golovatsky, Ev. V., Orlova, A. V., Nyatina, N. V., Burmakina, A. L. (2021), "The impact of social initiatives of the population on the innovative development of regions", *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 140-156. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-9.

Введение (Introduction). В современном обществе происходит обновление, а в определенных ситуациях перезагрузка практик гражданского и социального участия населения. Возможности инициативной активности населения подкрепляются обновлением условий регионального развития с учетом особенностей территории. В настоящее время, в период реализации в России национальных проектов, организуется целенаправленная деятельность субъ-

ектов государственного и некоммерческого секторов по инновационному развитию регионов. Социальная инфраструктура, экологическая безопасность, повышение комфортности социального пространства для жителей, вот далеко не полный перечень актуальных направлений территориального развития. Однако односторонний формат реализации стратегических и тактических направлений социальных преобразований неэффективен без соучастия

населения (Кранзеева, Головацкий, Бурмакина, Брандт, 2020; Кранзеева, Орлова, Нятина, Григорик, 2020). Возникновение, развитие и модификация социальных инициатив населения является важным условием развития гражданского контроля и преобразований в регионах.

Социальные и политические инновации направлены на реализацию потребностей населения, достижение социально-значимых целей. В настоящее время именно инновации являются эффективным инструментом для преобразования взаимодействий между государством и гражданским обществом (Carozza, 2018). Разнонаправленные уровни и траектории соучастия населения влияют на новые форматы аллокаций ресурсов (Borri, Giorgio, 2021). Формирование сетей инновационных сообществ – процесс несмотря на свою динамичность продолжительный с точки зрения формирования доверия участников сообществ (Latouche, 2020).

Инновации реализуются с учетом возможностей конкретных регионов. Индикатором освоения нововведений выступают коммуникации населения и органов власти в масштабах региональных отношений, например, увеличение числа «точек» официальной коммуникации, уменьшение времени ответа на гражданские обращения и пр. В то время как неохваченными в социологических исследованиях остаются приемы гражданского обсуждения и соучастия, интроспективный анализ пользовательских оценок и обращений, предусматривающих применение цифровых маркеров инновационного взаимодействия. Исследователями уже рассматриваются сетевые формы активизма, порождающие новые формы коммуникации, быстро организуемые и поддерживающие принципы открытой коммуникации, а также особенности Интернет-сетей как площадок общественно-политических коммуникаций (Курбатов, Крупеникова, 2016; Артамонова, Володенков, 2021).

Социальные инновации представляют собой сознательную деятельность по кон-

струированию нового и его внедрению в жизнь на основе переосмысления предыдущего опыта. Ключевой при обосновании потребности в реализации новой идеи является понимание «порога бедствия» (Луман, 1994), тех трудностей и рисков ожидания нововведений, а также последствий их реализации для населения территорий. Инновации должны отвечать требованиям практичности, соответствия социальным ожиданиям, альтернативности способов и механизмов их реализации. Они полифункциональны, многомерны, но направлены на актуальное включение субъектов власти в реализацию новых идей. Это обеспечивает вовлечение ресурсного и символического сопровождения инноваций.

Тенденции цифровизации общества и концептуальные достижения в изучении пространственно-временной перспективы инновационных процессов требуют фундаментального исследования взаимосвязи развития, инновационной политики и территориальности. Приемы и методы реализации принципа «открытого региона» также имеют широкие адаптивные возможности для решения муниципальных или иных конкретных проблем развития регионов и отдельных территорий (Schmidt, Müller, Ibert, Brinks, 2017). Исследование новых тенденций требует преобразования, гибридизации исследовательских подходов и сочетания применяемых методов (Kim, 2019; Golovatsky, Kranzееva, Orlova, Burmakina, 2018).

Цель данной статьи – изучение влияния инициатив населения на инновационное развитие регионов. Полагаем, что регионы с высоким уровнем инновационного развития отличаются количественными и качественными показателями социальных инициатив.

Методология и методы (Methodology and methods). В настоящее время существуют различные подходы к интерпретации и содержательному объяснению социальных инноваций. В. В. Щербина замечает многообразие их методологического применения к определению поля иннова-

ций. К примеру, Т. Парсонс рассматривая процессы социальных изменений, обусловленных сознательной активностью личности, использовал понятие «харизматическая инновация». К. Левин, описывая принцип планируемых изменений, использовал представления о «роли социальных сил» которые способствуют/препятствуют внедрению социальных инноваций (Щербина, 2000).

Инновация с точки зрения отечественного социолога Н. И. Лапина представляет собой процесс создания, освоения и реализации в экономическом и социальном пространстве нового средства с целью удовлетворения общих и дифференцированных потребностей и интересов. Инновацию по мнению исследователя характеризуют такие черты как: институциональная включенность, целенаправленность, практичность, первоначальная локализация и инициативность как основание (Лапин, 2016). Н. И. Лапин отмечает, что «инновационные действия индивидов по мере их распространения (диффузии) приобретают групповое и общественное значение, становятся процессами модернизации жизнедеятельности общества, всей цивилизации». По мнению исследователя, эффективным институтом развития должна стать «давно декларированная, но не реализованная национальная инновационная система (НИС). Для успешной реализации она должна стать рефлексивно-многоуровневой, начиная с первичных региональных инновационных систем (РИС), которые обеспечат эволюционно-инновационное саморазвитие регионов, учитывающее особенности каждого региона и рефлексивно регулируемое «сверху» и «снизу» (государством и гражданским обществом)» (Лапин, 2018; Голова, Суховой, 2019).

Оценка инноваций предусматривает нелинейное сравнение реализуемых или иницируемых проектов, так как последствия обозначенных или реализуемых в регионах нововведений не позволяют диагностировать итоговые результаты для всех взаимодействующих сторон. Цифро-

вая коммуникация взаимодействующих сторон в состоянии трансформировать поле задач и видоизменять результаты в зависимости от суммы внешних угроз и рисков, зачастую быстрые, реактивные связи сетевых сообществ способны оперативно мобилизовать участников коммуникации на различные формы взаимодействия, для чего традиционным публичным структурам понадобится больше времени и дополнительных ресурсов.

Зарубежные исследователи предлагают целую палитру подходов к содержанию понятия «инновация», а также рассматривают различные основания для исследования реализации нововведений и применяемых для этой задачи инструментов. В частности, выделяются четыре подхода рассмотрения социальных инноваций: инновации как изменение социальных отношений, акцентирующие внимание на новых способах действия, организации, познания и фрейминга (Stirling A.); системные инновационные изменения на уровне социальных подсистем, включая институты, социальные структуры (Cajaiba-Santana, 2014); изменения на уровне макроразвития, которые отражают изменения «правил игры» (Nicholls A., Murdock A.); дискурсы об изменениях и инновациях, то есть наборы идей, концепций, метафор и/или сюжетных линий об изменениях и инновациях (Avelino, Wittmayer, Pel, Weaver, Dumitru, Haxeltine, Kemp, Jorgensen, Bauler, Ruijsink, O'Riordan, 2019).

При этом современные зарубежные исследователи определяют три измерения социальных инноваций:

- 1) направленность на реализацию потребностей, интересов и запросов социальных групп и общностей;
- 2) изменения в общественных отношениях;
- 3) аспект расширения прав и возможностей в форме увеличения социально-политического потенциала и доступа к ресурсам (van der Have, Rubalcaba, 2016).

В настоящее время можно выделить несколько точек зрения к пониманию со-

циальных инноваций в отечественных исследовательских подходах. Е. В. Попов и др. к социальным инновациям относят в первую очередь, новые идеи о социальном пространстве, воплощенные в виде продуктов или услуг и нацеленные на решение общественных проблем (Попов, Омонов, Наумов, Веретенникова, 2018). Т. Д. Ромащенко и А. Е. Кисова социальные инновации рассматривают как совокупность качественных изменений в сферах формирования, развития и реализации человеческого и социального капитала с целью повышения уровня личного и общественного благосостояния (Ромащенко, Кисова, 2020).

Развитие социальных инноваций создает новые возможности в решении разноуровневых управленческих и координационных задач со стороны власти и населения при помощи приближенных к параметрам физической и виртуальной территории методам (Arıcı, Yildirim, Caliklar, Yilmaz, 2019). Взгляд со стороны местных жителей позволяет акцентировать внимание на те потребности и запросы, которые с точки зрения административных структур не всегда открыты и понятны. Кроме того, гражданская инициативность создает условия для включенности в решение проблем и помогает преодолеть позицию стороннего наблюдателя.

В научном сообществе распространенной становится парадигма «инновации в сотрудничестве», когда устанавливается зависимость между качеством новых идей, стремлением к скорости их освоения и учетом мнения «исполнителей нововведений» и поддержки заинтересованных добровольцев (Vommert, 2010). Обоснование значимости открытых социальных и политических инноваций связано с концепцией «обучаемой политики» (Hall, 1989). Открытость предоставляет возможность исследователям и наблюдателям инновационных процессов учитывать сдвиги в социальном пространстве, понимать критерии успешности гражданских инициатив.

Открытые инновации – это концепция, сочетающая бизнес, власть и академические научные структуры. Эта модель взаимодействия демонстрирует дифференцированное и активное отношение взаимодействующих сторон к инновациям, основанное на открытых, прозрачных принципах инновационных отношений, базирующихся на принципе «открытой архитектуры» мобилизации социальных, политических и иных видов ресурсов (Chesbrough, 2011). Открытые инновации становятся определяющей концепцией исследовательских и практических направлений сфер государственной деятельности и гражданского поля инициатив. Европейские исследователи подчеркивают потенциал привлечения граждан как способ применения открытых инноваций в государственном секторах (Bogers, Chesbrough, Moedas, 2018). Практическое применение взаимодействующими сторонами цифровых технологий делает инновации еще более открытыми, взаимными и глобальными в рамках открытого общества (Accessed October 17, 2017, <https://ec.europa.eu/research/openvision/index.cfm>).

На принятие и адаптацию населения к социальным и политическим инновациям оказывает влияние субъективное пространство политики и инварианта локальной идентичности, которая учитывает личность в качестве субъекта-носителя идентичности; содержательную составляющую (феномен локальной идентичности), параметры объекта идентификации (место жительства как значимого показателя – на данном жизненном этапе личности), практики социальной активности, в которых реализуется локальная идентичность, систему факторов, влияющих на процесс актуализации, формирования и динамики локальной идентичности, механизмы конвертации локальной идентичности в общественные практики (Самаркина, Башмаков, 2021).

В российских исследованиях отмечается возросшая цифровая зависимость власти и населения в условиях политики мо-

дернизации, в форматах изменившихся городских взаимодействий, предлагающих новые формы мобилизации городских пользователей (Семенов, 2020). При этом исследователи подчеркивают подвижность самих инноваций и, следовательно, применение подвижных форм взаимодействия гражданской политики и политических управленческих структур.

Также отмечается, что масштабирование местных инициатив оказывается сложным процессом, не всегда заметным сторонним участникам других территорий и требует от всех сторон-участников коммуникации масштабирования интересов и ресурсов. (van Lunenburg, Geuijen, Meijer, 2020).

Чтобы сосредоточить внимание на инновационных инициативах, вслед за Трау (Trau, 2017), мы будем рассматривать основные признаки: 1) характеристики субъектов; 2) стратегический выбор; 3) институциональные факторы; 4) влияние субъектов на социальную экологию.

Зарубежные исследователи утверждают, что традиционные модели описания инноваций, основанные на инструментальных факторах, не в полной мере учитывают специфические характеристики открытых социальных инноваций. В качестве корректирующего инструмента предлагается повысить объяснительную силу традиционных инновационных моделей за счет включения символических, эмоциональных и мотивирующих факторов в качестве неинструментальных (более открытых), подверженных корректировке и в тоже время более непредсказуемых в своих последствиях (Dietrich, Znotka, Guthor, Hilfinger, 2016). Проявлением таких неинструментальных факторов могут выступать поисковые запросы населения, адресованные не органам власти, напрямую, а сообществам. Запросы выполняют информационную (поиск конкретной информации по теме), навигационную (поиск сервиса, адреса, организации и пр.), транзакционную (поиск взаимодействия) и др. функции. Наши исследования и данные

других опросов, убедительно демонстрируют, что Интернет-запросы становятся востребованной формой опосредованной коммуникации, отражающей ее семантические и символические характеристики и содержание (Кученкова, 2020; Kranzeeva, Orlova, Golovatsky, Burmakina, 2018).

В российской социологии формируются практические исследовательские наработки и опыт изучения сетевых, виртуальных сообществ имеет собственную историю развития методологии сетевых социологических исследований (Онлайн-исследования в России, 2016).

Логика исследования предполагает использование инструментов сетевой диагностики и поиска информации (в данном случае, исключительно открытой и общедоступной), с целью определения запроса и инициативных обращений граждан и сообществ, демонстрирующих актуальный уровень проблем и востребованность изменений на территориях и в стране в целом.

Нами проанализированы общественные и гражданские инициативы за прошедший год (с марта 2020 года по март 2021 года), которые поступали от жителей различных регионов России. Инициативы были сгруппированы в зависимости от уровня реализации и тематической направленности, а также с учетом территориальной принадлежности субъектов – авторов инициатив, заявителей, что позволило нам выделить наиболее активные регионы и территории, где жители менее активно участвуют в создании и оформлении инициатив.

Источником данных выступил интернет-ресурс Российская общественная инициатива (www.roi.ru) – открытая платформа для размещения общественных инициатив федерального, регионального, муниципального уровней, предложенных гражданами Российской Федерации, и голосования по ним. Сайт аккумулирует предложения граждан, касающиеся социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления. Судьба инициатив

циативы решается в три этапа: 1) предварительная проверка соответствия требованиям, 2) голосование за инициативу, 3) рассмотрение и принятие решения экспертной группой.

Всего были проанализированы 1347 федеральных, 191 региональная и 115 муниципальных инициатив, находящихся на этапе голосования. Используя фильтры сайта «уровень» и «раздел», мы смогли показать популярность наиболее проблемных тем (всего их было 19 в соответствии с массивом обращений, расположенном на цифровом ресурсе) в регионах России. Интерактивная карта России, размещенная на сайте, позволила определить степень активности жителей того или иного региона, и атрибутивность тематики инициатив федерального значения. Направления инициатив сохранены в соответствии с интерфейсом ресурса.

Для оценки актуальных запросов населения нами использовался Google Trends (<https://trends.google.ru>) – сервис, позволяющий выявить, где чаще всего выполнялся поиск по соответствующей проблеме. Мы использовали этот инструмент в нашем исследовании для изучения поисковых запросов граждан по соответствующим тематикам и их популярности по регионам за период март 2020 г. – март 2021 г. Сервис присваивает запросам баллы от 0 до 100, где 100 баллов означают местоположение с наибольшей долей популярности запроса, 50 баллов – местоположение, уровень популярности запроса в котором вдвое ниже, чем в первом. 0 баллов означает местоположение, по которому недостаточно данных о рассматриваемом запросе. Таким образом, выявляется доля запросов по определенной теме от всех запросов, а не их абсолютное количество. В итоге, при последовательном вводе проблемных точек (выявленным в ходе анализа гражданских и общественных инициатив), мы выявили (определили) регионы РФ, лидирующие по соответствующим запросам (в расчет брались три наиболее популярных темы).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В настоящее время на территории России важным показателем для изучения социальных и политических инноваций является рейтинг инновационного развития регионов. Он включает измерения по следующим направлениям: социально-экономические условия инновационной деятельности, научно-технический потенциал, инновационную деятельность, экспортную активность, качество инновационной политики. При анализе социальных и политических инноваций важно понимать разрыв и временной вакуум между инициативами различного уровня. Социальная и политическая значимость рейтинга инновационного развития регионов РФ заключается в построении индивидуальных профилей каждого субъекта Российской Федерации, который детализирует результаты по всем показателям инновационного развития. Рейтинг служит инструментом комплексного мониторинга деятельности региональных органов власти и позволяет точнее сфокусировать федеральные инструменты поддержки. Согласно данному рейтингу, первенство по значению показателя дальности горизонта планирования инноваций разделили сразу пять субъектов Российской Федерации: Санкт-Петербург, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай, Воронежская область и Республика Коми.

Ключевые стратегические документы этих регионов предполагают целевое видение до 2035 г. В первую группу рейтинга по длительности периода, на который распространяется действие региональных стратегических документов, входят также Пензенская, Кемеровская и Архангельская области, Кабардино-Балкарская Республика. Ведущие международные СМИ чаще всего писали о Москве и Санкт-Петербурге в контексте глобального научно-технологического развития: новостная повестка двух столиц оказалась наиболее актуальной для передовых экономик. Эти города лидируют по значению показателя «Близость к информационному полю раз-

витых стран». Во вторую группу вошли Алтайский и Забайкальский края, Калининградская область, Камчатский край, Ленинградская и Пензенская области, Республики Алтай и Карелия, Самарская и Томская области. Стратегические документы и нормативные правовые акты Самарской, Белгородской, Ивановской, Кировской и Новосибирской областей, Республики Башкортостан, Ростовской и Тамбовской областей, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Чувашской Республики в наибольшей степени связаны с федеральной повесткой научно-технологического и инновационного развития. Они входят в первую группу по значению показателя «Соответствие региональной стратегической повестки содержанию федеральных стратегий» (Рейтинг инновационного развития..., 2020).

Еще одним вариантом ранжирования регионов по степени их инновационности является рейтинг, созданный в 2012 году Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР) для целей мониторинга и управления. К основным показателям данного рейтинга относятся: 1) научные исследова-

ния и разработки; 2) инновационная деятельность; 3) социально-экономические условия инновационной деятельности; 4) инновационная активность региона. Каждый показатель содержит набор индикаторов, общее количество которых равно 29. Источниками информации являются преимущественно официальные статистические данные. По итогам рейтинга выделяются 5 групп регионов по уровню инновационного развития: «сильные инноваторы»; «средне-сильные инноваторы»; «средние инноваторы»; «средне-слабые инноваторы»; «слабые инноваторы». По результатам рейтинга 2018 года «сильными инноваторами» являются: г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, г. Москва, Томская, Московская, Новосибирская, Калужская, Нижегородская области. «Слабыми инноваторами» относятся 6 субъектов РФ. По-прежнему в данную группу входят представители северных регионов (Ненецкий и Чукотский автономные округа), регионов Сибири (Республика Тыва) и Северного Кавказа (Республики Ингушетия, Чеченская, Карачаево-Черкесская). (Рейтинг инновационных регионов России, 2018).

Таблица 1

Рейтинги инновационных регионов РФ (по данным НИУ ВШЭ и Ассоциации инновационных регионов России)

Table 1

Ratings of innovative regions of the Russian Federation (according to the National Research University Higher School of Economics and the Association of Innovative Regions of Russia)

Рейтинг субъектов Российской Федерации по значению российского регионального инновационного индекса: 2017 / Rating of constituent entities of the Russian Federation according to the value of the Russian regional innovation index: 2017	Рейтинг инновационных регионов России. Ассоциация инновационных регионов России: 2018 / Rating of innovative regions of Russia. Association of Innovative Regions of Russia: 2018
г. Москва / Moscow City	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg City
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg City	г. Москва / Moscow City
Томская область / Tomsk Region	Томская область / Tomsk Region
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	Новосибирская область / Novosibirsk Region

В условиях глобальной пандемии (COVID-19) традиционные системы взаимодействия функционируют не в полной мере. Инновационными выступают сетевые платформы сбора и обсуждения информации, используемые для построения

диалога гражданских интересов и представителей власти. Открытые цифровые коммуникации помогли осуществлять отправку или дублирование обращений граждан (групп и местных сообществ), обозначение актуальных (обсуждаемых на

территориях) тем, поиск, запросы необходимой для поддержания повседневной жизни информации.

Рассмотрим данные по общественным инициативам применительно к регионам.

Дифференциация общественных инициатив в РФ с марта 2020 года по март 2021 года отражает стремление граждан к социальной защите со стороны государства, эко-

номическому благополучию и обеспечению безопасности со стороны федеральных органов государственной власти. При проявлении инициатив на региональном уровне ведущее место занимает социальная инфраструктура, экологическая составляющая жизненного пространства, а также социальная защита (см. рисунок 1).

Рис. 1. Количество общественных инициатив по тематической направленности и уровням реализации (по результатам анализа интернет-платформы: «Российская общественная инициатива», интервал группировки данных март 2020 г. – март 2021 г.)

Fig. 1. The number of public initiatives by thematic focus and levels of implementation (based on the analysis of the Internet platform: «Russian Public Initiative», data grouping interval March 2020 – March 2021)

Важным уточнением является то, что в чистом виде невозможно отнести каждую инициативу только к одному темати-

ческому направлению, поэтому присутствует перекрестность тематик в рамках одного инициативного предложения.

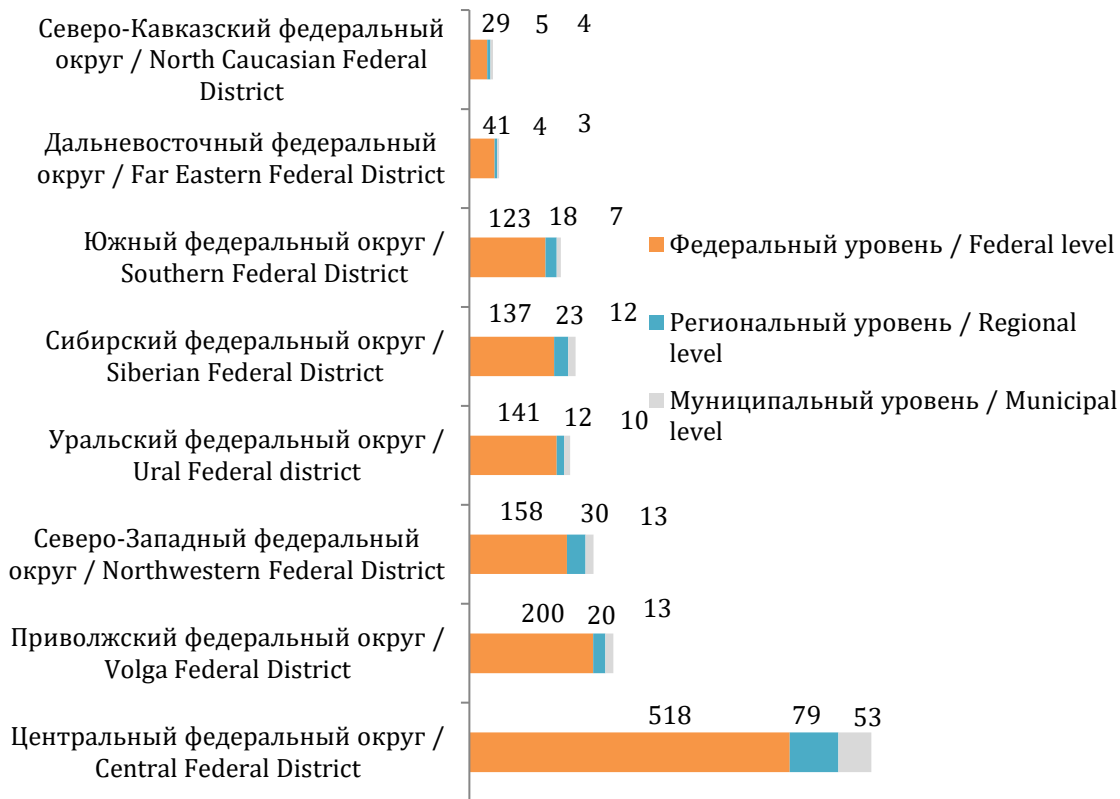

Рис. 2. Количество общественных инициатив по территориальной принадлежности авторов инициатив и уровням реализации (по результатам анализа интернет-платформы «Российская общественная инициатива», март 2020 г. – март 2021 г.)

Fig. 2. The number of public initiatives by territorial affiliation of the authors of the initiatives and levels of implementation (based on the analysis of the Internet platform «Russian Public Initiative», March 2020 – March 2021)

Большинство инициатив территориально представлено населением Центрального федерального округа (518 – на федеральный уровень, 79 – на региональный и 53 – на муниципальный). Лидерами внутри округа являются: г. Москва (271 инициатива федерального значения, 51 регионального), Московская область (104 и 15 соответственно) (рисунок 2).

В Приволжском федеральном округе на порядок опережает остальные регионы Самарская область (65 инициатив федерального значения). В Северо-Западном федеральном округе заметно выделяется по количеству инициатив г. Санкт-Петербург (106 – федерального значения,

22 регионального). Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» приводит результаты очередного (уже девятого по счету) рейтинг качества жизни в российских регионах демонстрируя близкие по значению результаты удовлетворенности. В частности, первые позиции в рейтинге регионов по качеству жизни в 2020 г. занимают: г. Москва, г. Санкт-Петербург и Московская область, сводный рейтинговый балл у которых превышает значение 75 (возможный минимум – 1, возможный максимум – 100) (Источник: Качество жизни в российских регионах – Рейтинг 2020. 16.02.2021. URL:

<https://riarating.ru/infografika/20210216/6301>

94637.html). Уместно предположить наличие группы единых признаков, которыми обладают территории. А именно – концентрации власти, финансовых и управленче-

ских ресурсов, «центростремительные» общественные установки регионов по отношению к «точкам власти».

Центральный федеральный округ / Central Federal District	г. Москва / Moscow City – 271 инициатива / initiatives
Северо-Западный федеральный округ / Northwestern Federal District	г. Санкт-Петербург / St Petersburg City – 106 инициатив / initiatives
Приволжский федеральный округ / Volga Federal District	Самарская область / Samara Region – 65 инициатив / initiatives
Уральский федеральный округ / Ural Federal District	Челябинская область / Chelyabinsk Region – 62 инициативы / initiatives
Южный федеральный округ / Southern Federal District	Краснодарский край / Krasnodar Territory – 56 инициатив / initiatives
Сибирский федеральный округ / Siberian Federal District	Новосибирская область / Novosibirsk Region – 33 инициативы / initiatives
Северо-Кавказский федеральный округ / North Caucasian Federal District	Ставропольский край / Stavropol Territory – 24 инициативы / initiatives
Дальневосточный федеральный округ / Far Eastern Federal District	Амурская область / Amur Region – 14 инициатив / initiatives

Рис. 3. Регионы-лидеры по количеству размещенных их жителями инициатив федерального значения (отмечен лидер от каждого федерального округа, март 2020 г. – март 2021 г.)

Fig. 3. Regions-leaders in terms of the number of federal initiatives placed by their residents (the leader from each federal district is marked, March 2020 – March 2021)

Наименее инициативными с точки зрения заявительной инициативной активности являются жители Северо-Кавказского федерального округа, в структуре которого можно отметить Ставропольский край (24 федеральные инициативы), как наиболее активный, по сравнению с единичными инициативами других регионов, входящих в состав этого округа.

При соотнесении регионов, лидирующих по количеству общественных инициатив граждан, и рейтинга инновационных регионов России, можно отметить, что представленные на рисунке субъекты относятся к группам сильных и средне-

сильных инноваторов. Полученные данные отражают неравномерное распределение инициативности населения с акцентом на особую активность городов федерального значения.

По результатам анализа поисковых запросов с помощью сервиса Google Trends мы получили следующие данные: регионы-лидеры в проявлении инновационной активности (гг. Москва и Санкт-Петербург) значительно уступают свои позиции среди регионов-лидеров по совокупности баллов оценки «популярности» тематических запросов.

Таблица 2

Регионы-лидеры по совокупности баллов оценки «популярности» тематических запросов (по результатам анализа данных Google Trends за период март 2020 г. – март 2021 г.)

Table 2

Leading regions in terms of aggregate scores for assessing the “popularity” of thematic queries (based on the results of Google Trends data analysis for the period March 2020 – March 2021)

Федеральный округ / Federal District	Регион / Region	Баллы оценки / Assessment points
Приволжский / Volga	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	810
Сибирский / Siberian	Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	757
Южный / Southern	Краснодарский край / Krasnodar Territory	735
Северо-Западный / North-western	г. Санкт-Петербург / Saint Petersburg City	708
Центральный / Central	г. Москва / Moscow City	698
Уральский / Ural	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra	660
Дальневосточный / Far Eastern	Приморский край / Primorye Territory	627
Северо-Кавказский / North Caucasian	Ставропольский край / Stavropol Territory	459

В числе регионов, выбирающих максимальное количество тем запросов, выступают политические и ресурсные центры, а также пограничные территории. Наиболее насыщенный портфель тематических запросов обнаруживается у регионов европейской части страны. К примеру, в Воронежской области реализуется проект «Открытый регион», который осваива-

ет инициативу взаимодействия региональных властей и населения по формированию и освоению принципов открытого государственного управления с 2012 года¹.

¹ Проект «Открытый регион» в Воронежской области. Вопросы создания. URL: <http://wiki.ombudsman->

Содержательный анализ запросов позволяет нам обнаружить следующие признаки инициативных запросов: во-первых, субъектами запросов могут выступать как отдельные, так и объединенные групповыми и организационными интересами сообщества граждан; во-вторых, выбор инициатив определяется проблемами и направлениями инновационного развития, задаваемыми из федерального центра; в-третьих, региональная структура и профильные направления развития, зачастую определяют содержание местных инициатив; в-четвертых, частота обращений с инициативами, тематика и направления реализации, формируют для исполнителей нововведений своеобразный конус возможностей, в границах которого вероятность оптимального их освоения повышается.

Российские инициативы федерального уровня показывают заинтересованность во включении граждан прежде всего в изменения нормативно-правового характера. При этом лидирующими являются социальные инициативы, направленные на поддержку определенных категорий населения (ветеранов, многодетных семей, пенсионеров), а также сохранение заданных условий реализации образовательного процесса (отказ об утверждении дистанционного образования, инициатива о недопущении закрытия РФФИ и т.д.). Инициативы регионального уровня сохраняют стремление граждан актуализировать проблемы экологического характера, социального перемещения по территории городского пространства, отмены повышения стоимости коммунальных услуг, а также отмены дистанционного формата учебного процесса и т.д. Плотность определенных запросов демонстрирует актуальный уровень проблем в регионах, а также подтверждает, что не всегда ресурсобеспеченные регионы в равной степени социально активны.

vrn.ru/doku.php/proekt_otkrytoe_pravitelstvo_v_voron_ezhskoj_oblasti (дата обращения: 03.05.2021).

Социальные инициативы населения в настоящее время, несмотря на разноуровневый характер, имеет единую направленность: актуализация внимания власти к социальной поддержке определенных социальных групп, наличие стремления к ретроспективному взгляду на обновление социальной реальности с сохранением имеющихся адаптивных образцов коммуникации.

Заключение (Conclusion). В настоящее время социальные инновации предоставляют новые возможности для населения в соучастии и решении актуальных проблем территорий.

Фиксируется дифференцированный подход жителей в применении инноваций с учетом интересов «центр-периферия», проявляется заданность в транслируемых обращениях. При анализе общественных инициатив контрастна тематика федерального и регионального значения: обращение и трансляция идей на федеральном уровне учитывает стремление граждан к реализации тех запросов, которые могут быть реализованы только при участии органов власти и подчеркивают статусно-ролевую принадлежность личности в обществе, тогда как региональный срез отражает местное видение жителя конкретной территории (жизни «здесь и сейчас»).

Согласно содержанию представленных в работе рейтингов и данных по регионам, можно заключить зависимость инновационной активности регионов от их открытости (готовности) к освоению нового, а также расположения по отношению к властным и иным видам ресурсов.

Следующим обстоятельством, оказывающим влияние, является физическое расположение региона и проявление инновационной активности обусловлено ориентацией запросов и инициатив преимущественно с учетом внутренних ресурсов развития.

Согласно заявляемых общественным инициативам и рейтингам развития регионов наблюдается формализация проблемного поля социальных инновации обозна-

чаемых с учетом коридора возможностей, запросов и актуальных интересов регионального (территориального).

Отметим, что социальные инициативы населения акцентируют внимание на определенных проблемах жизненного и социального пространства, являются показателем неучтенных противоречий, которые могут рассматриваться как основания для инновационного развития региона.

Список литературы

Артамонова Ю. Д., Володенков С. В. Трансформация Интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло(локал)анклавизации // Социологические исследования. 2021. Т. 47, № 1. С. 87-97. DOI: 10.31857/S013216250013572-2

Голова И. М., Суховой А. Ф. Дифференциация стратегий инновационного развития с учетом специфики российских регионов // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 1294-1308. DOI: <https://doi.org/10.17059/2019-4-25>

Курбатов В. И., Крупеникова Л. Ш. Ракурсы социологического исследования сетевых сообществ Интернета // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 19, № 3. С. 50-58.

Кученкова А. В. Измерение субъективного благополучия на основе текстов социальных медиа: обзор современных практик // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 92-101. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-92-101.

Лапин Н. И. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь мир, 2016. 356 с.

Лапин Н. И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 105-136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542.

Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135-160.

Национальные проекты в регионе: ресурсы местных сообществ Кузбасса / Е. А. Кранзеева, Е. В. Головацкий, А. Л. Бурмакина, Я. А. Брандт // Управление устойчивым развитием. 2020. № 5 (30). С. 57-68.

Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М.: Типография, 2016. 556 с.

Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6 / Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, П. Д. Бахтин и др.; под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 264 с.

Рейтинг инновационных регионов России. Ассоциация инновационных регионов России. Версия 2018. 53 с. URL: <https://i-regions.org/upload/iblock/e8f/airr18.pdf> (дата обращения: 29.03.2021).

Ромащенко Т. Д., Кисова А. Е. Социальные инновации: содержание, субъектные формы и классификация // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. Т. 3. С. 25-33. DOI: 10.17308/econ.2020.3/3102.

Самаркина И. В., Башмаков И. С. Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи // Политические исследования. 2021. № 2. С. 99-112. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.07.

Семенов А. В. Цифровая инфраструктура городской мобилизации как предмет социологического анализа // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: мат-лы Всерос. науч. конф. XIV Ковалевские чтения 12-14 ноября 2020 г. / отв. ред.: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 206-207.

Соучастие населения региона в реализации национальных проектов: ретроспектива и перспектива / Е. А. Кранзеева, А. В. Орлова, Н. В. Нятина, Н. Н. Григорик // Регионология. 2020. Т. 28, № 3 (112). С. 490-515.

Тенденции развития социальных инноваций / Е. В. Попов, Ж. К. Омонов, И. В. Наумов, А. Ю. Веретенникова // TERRA ECONOMICUS. 2018. Т. 16, № 3. С. 35-59. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-3- 35-59.

Щербина В. В. Социальные теории организации: словарь. М.: Инфра-М, 2000. 264 с.

Bogers M., Chesbrough H., Moedas C. Open Innovation: ReseaRch, PRactices, and Policies // California Management Review. 2018. Vol. 60. Iss. 2. Pp. 5-16. DOI: 10.1177/0008125617745086.

Bommert B. Collaborative Innovation in The Public Sector // International. Public Management Review electronic Journal. 2010. Vol. 11. Iss. 1. Pp. 15-33.

Borri N., Giorgio G. Systemic risk and the COVID challenge in the European banking sector // *Journal of Banking & Finance*. 2021. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2021.106073.

Cajaiba-Santana G. Social innovation: Moving the field forward. A conceptual framework // *Technological Forecasting and Social Change*. 2014. Vol. 82. Pp. 42-51.

Carrozza C. Re-conceptualizing social research in the «digital era». Issues of scholarships, methods, and epistemologies // *Análise Social*. 2018. 53 (228). Pp. 652-671.

Chesbrough H. Everything You Need to Know About Open Innovation // *Forbes*. 2011. URL:

<https://www.forbes.com/sites/henrychesbrough/2011/03/21/everything-you-need-to-know-about-open-innovation/?sh=3c4865d375f4> (дата обращения: 22.03.2021).

Dietrich M., Znotka M., Guthor H., Hilfinger F. Instrumental and Non-instrumental Factors of Social Innovation Adoption. 2016. 27. Pp. 1950-1978. DOI: 10.1007/s11266-015-9639-2.

Hall P.A. Conclusion: The political power of economic ideas // *The Political Power of Economic Ideas: Keynesianism Across Nations*. Princeton: Princeton University Press, 1989. Pp. 361-392.

Kim Y. New Opportunities for Sociological Research: A Discussion of the Usefulness of Mixed Methods with Data Science // *Journal of Asian Sociology*. 2019. 48 (3), Pp. 343-358. DOI: 10.2307/26783836.

Latouche P. *Open Innovation: Human Setup*. Wiley-ISTE, 2020. 272 p.

Open Region: Creating and exploiting opportunities for innovation at the regional scale / S. Schmidt, F. C. Müller, O. Ibert, V. Brinks // *European Urban and Regional Studies*. 2017. Vol. 25. Iss. 2. Pp. 187-205. DOI: 10.1177/0969776417705942.

Research trends in the use of augmented reality in science education: Content and bibliometric mapping analysis / F. Arici, P. Yildirim, S. Caliklar, R. M. Yilmaz // *Comput. Educ.* 2019. Vol. 142. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.103647.

Social Innovation: Blurring Boundaries to Reconfigure Markets / A. Nicholls, A. Murdock (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 302 p.

Social Practices of Mobilizing Population Initiatives: Prospects for Hybrid Methodology / E. Golovatsky, E. Kranzeeva, A. Orlova, A. Burmakina // *International Conference on Com-*

municative Strategies of Information Society (CSIS 2018). *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2018. Vol. 289. Pp. 8-13. DOI: 10.2991/asis-18.2019.2.

Transformative social innovation and (dis)empowerment / F. Avelino, J. M. Wittmayer, B. Pel, P. Weaver, A. Dumitru, A. Haxeltine, R. Kemp, M. S. Jorgensen, T. Bauler, S. Ruijsink, T. O'Riordan // *Technological Forecasting and Social Change*. 2019. Vol. 145. Pp. 195-206. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.05.002.

Trau F. The organisational factor and the growth of firms // *Cambridge Journal of Economics*. 2017. Vol. 41. Iss. 3. Pp. 749-774. DOI: 10.1093/cje/bev082.

van der Have R.P., Rubalcaba L. Social innovation research: an emerging area of innovation studies? // *Research Policy*. 2016. Vol. 45. Iss 9. Pp. 1923-1935. DOI: 10.1016/j.respol.2016.06.010.

van Lunenburg M., Geuijen K., Meijer A. How and Why Do Social and Sustainable Initiatives Scale? // *A Systematic Review of the Literature on Social Entrepreneurship and Grassroots Innovation*. 2020. Vol. 31. Pp. 1013-1024. DOI: 10.1007/s11266-020-00208-7.

References

Artamonova, Y. and Volodenkov, S. (2021), "Transformation of the Internet as a Space of Public and Political Communications: From Globalization to Glocalization", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (1), 87-97. DOI: 10.31857/S013216250013572-2. (In Russian)

Golova, I. M. and Sukhovey, A. F. (2019), «Differentiation of Innovative Development Strategies Considering Specific Characteristics of the Russian Regions», *Economy of region*, 15 (4), 1294-1308. DOI: 10.17059/2019-4-25. (In Russian)

Kurbatov, V. and Krupenikova, L. Sh. (2016), "Views of a sociological study of Internet network communities", *Humanitarian of the South of Russia*, 19 (3), 50-58. (In Russian)

Kuchenkova, A. V. (2020), "Measuring subjective well-being based on social media texts. Overview of modern practices", *RSUH/RGGU Bulletin. «Philosophy. Sociology. Art Studies» Series*, (4), 92-101. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-92-101. (In Russian)

Lapin, N. I. (2016), *Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems*, Ves Mir, Moscow, Russia. (In Russian)

Lapin, N. I. (2018), «Hybrid transit and the need for «modernization for all»», *Bulletin of the Institute of Sociology*, (27), 105-136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542. (In Russian)

Luhmann, N. (1994), “Risk concept”, *THE-SIS*, (5), 135-160. (In Russian)

Kranzeeva, E., Golovatsky, E., Burmakina, A. and Brandt, Y. (2020), “National projects in the region: resources of Kuzbass local communities”, *Managing sustainable development*, (5), 57-68. (In Russian)

Online Research in Russia: Trends and Prospects (2016), in Shashkina, A. V., Devyatko, I. F. and Davydova, S. G. (ed), Tipografija, Moscow, Russia. (In Russian)

Abdrakhmanova, G., Artemov, S., Bakhtin, P. et al. (2020), *Russian Regional Innovation Scoreboard. Issue 6*, in Gokhberg, L. (ed.), Nac. issled. un-t “Vysshaja shkola ekonomiki”, HSE, Moscow, Russia. (In Russian)

Rating of innovative regions of Russia. Association of Innovative Regions of Russia. Version 2018 [Online], Available at: <https://i-regions.org/upload/iblock/e8f/airr18.pdf> (Accessed 29 March 2021). (In Russian)

Romashchenko, T. D. and Kisova, A. E. (2020), “Social innovation: content, subject forms and classification”, *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 3, 25-33. DOI: 10.17308/econ.2020.3/3102 (In Russian)

Samarkina, I. V. and Bashmakov, I. S. (2021), “Local identity and mechanisms of its conversion into constructive socio-political practices of youth”, *Polis. Political Studies*, (2), 99-112. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.07 (In Russian)

Semenov, A. V. (2020), “Digital infrastructure of urban mobilization as a subject of sociological analysis”, *Materials of All-Russian Scientific Conference of the XIV Kovalevskiy Readings «Digital society – a new format of social reality: structures, processes and development trends»*, in Skvortsov, N. G. and Asochakov, Yu. V. (eds.), St. Petersburg, Russia, 206-207. (In Russian)

Kranzeeva, E. A., Orlova, A. V., Nyatina, N. V. and Grigorik, N. N. (2020), “Participation of the Population of a Region in the Implementation of the National Projects: Retrospect and Prospect”, *Regionology [Russian Journal of Regional Studies]*, 28 (3), 490-515. DOI: 10.15507/2413-1407.112.028.202003.490-515. (In Russian)

Popov, E. V., Omonov, J. K., Naumov, I. V. and Veretennikova, A. Y. (2018), “Trends in the development of social innovation”, *TERRA*

ECONOMICUS, 16 (3), 35-59. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-3-35-59. (In Russian)

Scherbina, V. V. (2000), *Social theories of organization: a dictionary*, Infra-M, Moscow, Russia. (In Russian)

Bogers, M., Chesbrough, H. and Moedas, C. (2018), “Open Innovation: Research, Practices, and Policies”, *California Management Review*, 60 (2), 5-16. DOI: 10.1177/0008125617745086

Bommert, B. (2010), «Collaborative Innovation in The Public Sector», *International. Public Management Review Electronic Journal*, 11 (1), 15-33.

Borri, N. and Giorgio, G. (2021), “Systemic risk and the COVID challenge in the European banking sector”, *Journal of Banking & Finance*. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2021.106073.

Cajaiba-Santana, G. (2014), “Social innovation: Moving the field forward. A conceptual framework”, *Technological Forecasting and Social Change*, 82, 42-51.

Carozza, C. (2018), “Re-conceptualizing social research in the «digital era». Issues of scholarships, methods, and epistemologies”, *Análise Social*, 53 (228), 652-671.

Chesbrough, H. (2011), “Everything You Need to Know About Open Innovation”, *Forbes*, Available at: <https://www.forbes.com/sites/henrychesbrough/2011/03/21/everything-you-need-to-know-about-open-innovation/?sh=3c4865d375f4>. (Accessed 22 March 2021).

Dietrich, M., Znotka, M., Guthor, H. and Hilfinger, F. (2016), Instrumental and Non-instrumental Factors of Social Innovation Adoption, 27, 1950-1978. DOI: 10.1007/s11266-015-9639-2.

Hall, P. A. (1989), “Conclusion: The political power of economic ideas”, in *The Political Power of Economic Ideas: Keynesianism Across Nations*, Princeton University Press, Princeton, 361-392.

Kim, Y. (2019), “New Opportunities for Sociological Research: A Discussion of the Usefulness of Mixed Methods with Data Science”, *Journal of Asian Sociology*, 48 (3), 343-358. DOI: 10.2307/26783836.

Latouche, P. (2020), *Open Innovation: Human Set-up*, Wiley-ISTE.

Schmidt, S., Müller, F. C., Ibert, O. and Brinks, V. (2017), “Open Region: Creating and exploiting opportunities for innovation at the regional scale”, *European Urban and Regional*

Studies, 25 (2), 187-205. DOI: 10.1177/0969776417705942.

Arici, F., Yildirim, P., Caliklar, S. and Yilmaz, R. M. (2019), "Research trends in the use of augmented reality in science education: Content and bibliometric mapping analysis", *Comput. Educ.*, 142. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.103647.

Social Innovation: Blurring Boundaries to Reconfigure Markets (2012), in Nicholls, A. and Murdock, A. (eds.), Palgrave Macmillan, Basingstoke.

Golovatsky, E., Kranzeeva, E., Orlova, A. and Burmakina, A. (2018), "Social Practices of Mobilizing Population Initiatives: Prospects for Hybrid Methodology", *Materials of International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 289, 8-13. DOI: 10.2991/csis-18.2019.2.

Avelino, F., Wittmayer, J. M., Pel, B., Weaver, P., Dumitru, A., Haxeltine, A., Kemp, R., Jorgensen, M. S., Bauler, T., Ruijsink, S. and O'Riordan, T. (2019), "Transformative social innovation and (dis)empowerment", *Technological Forecasting and Social Change*, 145, 195-206. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.05.002.

Trau, F. (2017), «The organisational factor and the growth of firms», *Cambridge Journal of Economics*, 41 (3), 749-774. DOI: <https://doi.org/10.1093/cje/bev082>.

van der Have, R. P. and Rubalcaba, L. (2016), "Social innovation research: an emerging area of innovation studies?", *Research Policy*, 45 (9), 1923-1935. DOI: 10.1016/j.respol.2016.06.010.

van Lunenburg, M., Geuijen, K. and Meijer, A. (2020), "How and Why Do Social and Sustainable Initiatives Scale?", *A Systematic Review of the Literature on Social Entrepreneurship and Grassroots Innovation*, 31, 1013-1024. DOI: 10.1007/s11266-020-00208-7.

Статья поступила в редакцию 29 мая 2021 г. Поступила после доработки 30 сентября 2021 г. Принята к печати 06 декабря 2021 г.

Received 29 May 2021. Revised 30 September 2021. Accepted 06 December 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Кранзеева Елена Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологических наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия.

Головацкий Евгений Васильевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологических наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия.

Орлова Анна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологических наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия.

Нятин Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологических наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия.

Бурмакина Анна Леонидовна, старший преподаватель кафедры социологических наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия.

Elena An. Kranzeeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Evgeny V. Golovatsky, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Anna VI. Orlova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Natalya VI. Nyatina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Anna L. Burmakina, Senior Lecturer, Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.